

*Любовь
глазами
мужчины*

Романы

КЕВИНА АЛАНА МИЛНА

Кевин Алан
МИЛН

РОМАН

Финальный аккорд

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М60

Kevin Alan Milne
THE FINAL NOTE

Copyright © 2011 by Kevin Alan Milne
This edition published by arrangement with Center Street, New
York, New York, USA. All rights reserved.

Перевод с английского *Г. Войтенко*
Художественное оформление *С. Власова*

Милн, Кевин Алан.

М60 Финальный аккорд : роман / Кевин Алан
Милн ; [пер. с англ. Г. Войтенко]. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Любовь
глазами мужчины. Романы Кевина Алана Милна).

ISBN 978-5-699-95488-9

В день свадьбы Итан обещал любить, уважать, беречь жену и — написать для нее песню. Но реальность оказалась намного сложнее, громкие слова забылись, а фотографии и старые любовные записки, которые Анна так любила прятать в гитаре Итана, запылились и превратились в хлам. Ненависть, ложь и постоянное недовольство друг другом — единственное, что осталось от прежних чувств. И кажется, ничто не может спасти их брак. Но ужасная авария, в которую попадает Анна, все меняет... Слово сама судьба дает Итану еще одну попытку все исправить — пока не написаны последние слова, не сыгран последний аккорд.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Войтенко Г.С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95488-9

БЛАГОДАРНОСТИ

Мой лучший друг и жена, Ребекка, заслуживает больше благодарностей, чем я могу выразить. Она позволяет мне писать, вдохновляет писать, поощряет писать и периодически даже выпихивает меня из постели ночью и заставляет работать, чтобы я смог уложиться в сроки! Я бесконечно благодарен за ее любовь и поддержку. Мои пятеро детей тоже заслуживают аплодисментов. Их смех вызывает у меня постоянную улыбку. Спасибо также моим родителям, дедушкам и бабушкам, братьям и сестрам за их ценную информацию и слова ободрения. Жители Централ-стрит и Ашет знают, кто они такие, и я надеюсь, что они понимают, как я ценю все, что они делают. Если нет, разрешите мне объяснить это: я ценю вас ОЧЕНЬ! Это заявление вдвойне верно по отношению к моему редактору, Кристине Бойз, чьи терпение и талант никогда не перестают меня

КЕВИН АЛАН МИЛН

впечатлять. Большое спасибо Джойсу Харту — экстраординарному агенту — за помощь, которую он оказал мне, чтобы я нашел свою нишу. И, наконец, мои благодарности читателям. Ваши комментарии, вопросы и обратная связь делают мои усилия оправданными.

ПРЕЛЮДИЯ

Я здравомыслящий человек... Я так думаю. Именно поэтому я чувствую себя ужасно из-за того, что пришел к ней домой и кричу изо всех сил, как сумасшедший в бреду. Я даже не был в состоянии опьянения, если не считать, конечно, что можно быть пьяным от ярости. При этом, хочу заметить, моя неводержанность была далеко за пределами допустимого.

— Ты разрушила нашу семью! — кричал я. — Ты и твои дурацкие большие пальцы, и твой дурацкий телефон! — Хорошо, может быть, последняя фраза звучит немного бредово, но в контексте происходящего, я клянусь, она имела смысл.

— Мистер Брайт, прежде чем я позвоню в полицию, я даю вам ровно две секунды, чтобы вы успели убраться отсюда! Она уже извинилась. Больше не о чем говорить!

Это была ее мать. Она кричала пронзительным голосом, как дикая кошка, защищающая раненого котенка. Но я пришел не для того, чтобы разговаривать с ней, я пришел поговорить с ее дочерью — студенткой колледжа двадцати с чем-то лет. Меня раздражало, что она все еще жила с родителями, потому что это означало, что у меня не было возможности отчитать ее без их вмешательства. Она стояла на крыльце между мамой и папой, всего на несколько ступеней выше от того места, где стоял я. Она пыталась сдерживаться, но делала это странно — было похоже, что она до смерти замерзла, хотя стоял теплый летний вечер. Я уверен, что она изображала озноб просто для того, чтобы не потерять голову от страха. Я уже отругал ее один раз, в начале дня. Сейчас был второй раунд, и, несмотря на угрозы ее матери, я только начал.

— В самом деле? Зато у меня есть что сказать! Но сначала я хочу показать вам кое-что.

У меня в руках был портфель. Одним резким движением я взмахнул им перед собой, прижал к бедру и со щелчком открыл.

— О, господа, он принес пистолет! — закричала мать. Она и ее муж инстинктивно заслонили дочь, защищая от любой злой выходки, которую я мог совершить в отношении их всех, находясь в состоянии психоза, вызванного яростью.

— О, прекратите! — рявкнул я, удивившись, что они на самом деле думают, что я похож на человека, который способен сделать что-то подобное. Конечно,

ни один из них не был знаком со мной, так что, думаю, я не могу винить их.

— Я просто хочу показать вам то, что вы отняли у меня. — Я поднял руку и помахал кулаком, в котором было зажато содержимое портфеля.

— Бумага? — неуверенно спросил папа. Его вопрос прозвучал слишком глупо для человека, который зарабатывает столько, что это позволяет ему жить в таком доме.

— Записки! — крикнул я в ответ. — Такие записки, которые вы можете хранить и до которых можете дотрагиваться. Некоторые даже можно нюхать, потому что они пахнут духами моей жены. Они предназначены для того, чтобы их заботливо хранили и постоянно перечитывали. Это не ваши глупые эсэмэски, которые вы прочитываете и тут же удаляете.

— Что? — это была Эшли. — Преступник!

— Сегодня утром, — напомнил я ей, — прежде чем ты убежала, ты сказала, что твой бойфренд прислал тебе «записку». На самом деле он прислал тебе двухбитовое текстовое сообщение, и ты, как идиотка, ответила на него. Поэтому я хотел показать тебе, как на самом деле выглядят настоящие записки. Глубокая, вдумчивая, полная смысла переписка; такой вид общения, который положил начало и, возможно, спас мой брак. Любовные записки! И я не хочу, чтобы ты когда-нибудь забыла, как они выглядят, потому что это то, что ты отняла у меня!

Мама и папа находились в оцепенении. Эшли пове-сила голову и перестала сдерживать себя. Она громко рыдала в ночи. То, что произошло дальше, трудно объ-яснить, потому что это было в основном в моей голове. Я отвел глаза от семьи всего на долю секунды, чтобы взглянуть на пачку листов в руке.

В тот краткий миг нахлынули воспоминания: от са-мой первой записки, которую Анна дала мне, и вплоть до самой последней. Последние несколько лет записки не приходили слишком часто, но в этом была в боль-шей степени моя вина. И я собирался измениться, клянусь, я поклялся Анне, что все будет иначе. Я не сдержал обещание, и она поплатилась. Я вновь взгля-нул на семью и вдруг все, что я хотел им проорать — ей проорать, — просто исчезло. Что я здесь делаю? Почему позволил своей ненависти вытащить меня от Анны, если уж на то пошло? Я должен быть рядом с ней, ожидая, когда прекрасный художник запечатлеет ее последний вздох.

— Мне так жаль, — выдохнула Эшли.

Я не хотел это слышать. Я хотел безумствовать. Я хотел, чтобы она жила с осознанием вины за соде-янное. Я хотел, чтобы она была такой же несчастной, как и я. Но в основном я просто хотел уйти отсюда, чтобы быть рядом с умирающим телом моей жены.

— Так и должно быть. — Я резко повернулся и ушел. Полчаса спустя я сидел рядом с кроватью Анны в отделении интенсивной терапии. Она не знала, что я здесь. Я не знаю, была ли она еще со мной. В фи-

зическом смысле вообще-то она лежала прямо здесь, на кровати, дыша с помощью аппарата искусственного дыхания, доживая последние дни благодаря чуду современной медицинской техники. Но та ее часть, которая действительно имела значение, насколько мне было известно, уже не была с нами.

— Анна. — Мой голос дрогнул. — Я вернулся. — Ответа не последовало. Я не ожидал, что она что-то скажет, но я продолжал делать попытки поговорить с ней. — Ты слышишь меня? Дорогая, ты здесь? Я сбежал домой, но сейчас я вернулся. У Хоуп все хорошо. Твой брат следит за ней. Дедушка Брайт тоже там. Они все молятся за тебя. — К ее покрытым синяками рукам были подключены несколько капельниц, через которые капала жидкость. Я наблюдал, как капли опадают, ожидая хоть какого-то ответа. — Я кое-что нашел, — сказал я какое-то время спустя. — Это мой портфель. Тот, который ты подарила мне, когда меня перевели в управление. Я сходил с ним на работу только один раз. Ты знала, что я нашел ему другое применение? Я заполняю его твоими записками. Я все их принес с собой. Разве это не здорово? Я думал... может быть, тебе бы понравилось, если бы я их прочитал тебе... — Мне хотелось плакать. Нет, это нечестно. Я действительно плакал, особенно когда наткнулся на ее обычную записку для меня. Тогда это не была любовная записка, но она, конечно, подготовила почву для того, чтобы любовь проросла. Это было несколько лет назад. Глядя сейчас на нее, у меня было чувство, словно прошла целая вечность.

Читая слова, которые она написала тогда, я вернулся в другое время и место. Другая страна, иностранный язык. Надежда, молитва и гитара. Тогда мы были молоды и наивны. Все казалось возможным. Мы влюбились. Мы вряд ли знали, что такое любовь, но это не имело значения, потому что мы принадлежали друг другу и были счастливы. Мы были нищие, как церковные крысы, но это не имело значения, потому что мы были вместе. Через какое-то время обнаружилось, что не все в жизни идет по плану, но даже тогда это не имело значения. Мы по-прежнему принадлежали друг другу. И мы по-прежнему были счастливы. Все это очень долгий и неоригинальный способ для того, чтобы сказать, что я наломал дров. В конце концов я позволил более тривиальным занятиям взять верх над самыми важными вещами в жизни. Я как-то упустил из виду, может быть, даже вообще забыл — как просто хорошо все было в самом начале, еще когда жизнь была простой. Простой... и прекрасной. Записки Анны напомнили мне обо всем, что у нас было, и обо всем, что я вот-вот потеряю. Жаль, что я не мог сказать ей, насколько мне жаль. На самом деле я говорил ей, снова и снова, когда она лежала здесь, но она не слышала. Она просто неподвижно лежала, тихо дыша.

— Помнишь, как раньше было? — спросил я ее, вытерев очередную порцию слез манжетой рукава. — Я думал, наша жизнь была сказкой, историей, начинающейся с «жили-были». Как мы попали оттуда сюда, Анна? Как? Где наше «жили долго и счастливо»? Как

я допустил, чтобы это произошло? Я сожалею, что мы не можем дать задний ход и сделать все заново. Может быть, тогда я бы сделал все как надо...

Задолго до того момента, как наша жизнь разрушилась, моя жена мечтала писать и иллюстрировать книги. Ее мечта точно не сбылась. Моя мечта, писать музыку, тоже провалилась. Но, в конце концов, ни одна из этих вещей не имела значения. Единственным важным, что имело значение, было время, когда мы были вместе, и наши общие воспоминания. Может быть, поэтому мне так необходимо рассказать нашу историю, независимо от того, насколько это больно — копаться в ошибках прошлого. Когда-то у нас все было прекрасно, и я не хочу забывать этого. И я не хотел бы упускать из виду момент, где я оступился, чтобы не сделать ту же ошибку снова и не потерять те несколько драгоценных вещей, которые остались у меня. Не так давно мой дед — на которого возложена вся вина за то, что я попался на музыкальный крючок еще ребенком, — вдохновил меня на то, чтобы я не просто рассказал свою историю, а записал ее, пока воспоминания еще свежи.

— Написать рассказ — то же самое, что написать песню, — объяснил он. — Начни с первого куплета и возьми за правило делать одну запись за один раз. — Если совет дедушки верен, то я уже все испортил. Вместо того чтобы начать песню с первой строфы, я сделал гигантский скачок к самому концу. Но я полагаю, даже такой мрачный мотив, как у меня, можно легко перемотать...

ПЕРВЫЙ КУПЛЕТ:

СОЛО, СДЕРЖАННО, ИГРИВО

Глава 1

«Давайте начнем с самого начала; очень хорошее место, чтобы начать». — Джули Эндрюс пела эти слова, в то время как методично брэнчала на гитаре «Звуки музыки», прямо перед тем, как она и дети раздражались их знаменитым до-ре-ми. Затем они вместе танцевали, карабкались, пели, вертелись и нажимали на педали, катаясь вверх и вниз по холмам австрийской сельской местности. Когда заинтересованные друзья (и несколько любопытных знакомых) спрашивали, как я докатился до такой жизни, я неохотно делился мучительными подробностями. Я говорил им, что, наподобие капитана фон Траппа и его музыкальной жены, все это началось довольно удивительно в Австрии с песней под гитару, но закончилось в Сан-Франциско... ни с чем.

Хорошо, я ничего не притянул за уши, но именно так иногда чувствуешь, когда весь твой мир рушится на глазах. Много чего случилось со времен Австрии —

большинство из моих самых крупных разочарований в жизни, например. Но если мы хотим следовать наставлениям моего деда (и фройляйн Марии), то покрытые снегом Альпы, находящиеся в культурном центре Европы, очень хорошее место для начала, поскольку именно там все встало на свои места. Это было начало, место, где я получил первую записку. Я только что окончил Музыкальную школу Истмана при Университете Рочестера и готовился отправиться за границу для поступления в аспирантуру в Университет музыки и исполнительских искусств в Вене, в Австрии, когда дедушка Брайт объявил, что дает мне взаймы Карла. Как бы странно это ни звучало, на самом деле этого не было. Карлом звали дедушкину гитару, но почему он дал ей это имя, оставалось только догадываться. Что еще более важно, Карл был инструментом, который я отчаянно желал, когда впервые ребенком услышал, как дедушка играет на нем. Не только из-за того, что Карл действительно превосходно звучал, но и из-за того, что у членов семьи Брайт гитара вызывала определенное почтение. Она была окутана таинственностью в основном из-за дедушки. Он держал язык за зубами в отношении того, как приобрел ее и почему назвал Карлом. Единственное, что дед говорил, что он обязан этой старой гитаре своей жизнью и что он будет холить и лелеять ее «до тех пор, пока Великий Дирижер Вселенной не призовет его домой, чтобы исполнять симфонии на небесах». Принимая все это во внимание, я был более чем удивлен, когда он одолжил гитару мне. Я так же был удостоен великой чести. При